

ДМИТРИЙ ДЬЯКОВ

ДРУГИМ НАУКА

ИСТОРИЯ ОДНОГО ИСКЛЮЧЕНИЯ ВРЕМЕН ОТТЕПЕЛИ

Университет выражает современное общество, в котором он живет, более, чем все другие учреждения. Взглянув на университет глубже, можно верно определить и дух общества, и все общественные стремления, и дух времени.

Н.И. Пирогов

Из интервью доктора филологических наук, профессора Марка Иосифовича Бента в марте 2008-го – за три года до смерти:

«Хотя физически я, может, не отважный человек, но я был бунтовщик в том смысле, что заявлял о своей точке зрения, и в приказе на мое отчисление было сказано: “допускал антисоветские высказывания”. А это уже статья. Но, слава богу, времена были, так сказать, “вегетарианские”, и меня не посадили. В Воронеже, где я тогда учился, уже имелся подобный опыт, и руководство просто перестраховалось: незадолго до падения сталинизма там действовала троцкистская группа молодежи, их всех арестовали и отправили в тюрьму. А я там жил уже в хрущевскую эпоху, и тогда с этим было попрошье...»

ДНИ ЗАТМЕНИЯ

В этой истории всё роковым образом сошлось: обстоятельства, место и действующие лица. И конечно, время, которое сам профессор Бент спустя полвека определил как «вегетарианское».

Еще его называют «оттепелью». Эренбург, опубликовавший через год после смерти Сталина повесть под таким названием, вряд ли догадывался, что введенная им в оборот метафора возымеет столь магическое действие не только на литературное, но и на всё гражданское общество страны. Образ, действительно, точный – после жестоких морозов наконец-то пригрело солнышко, где-то растаял снег, в воздухе повеяло весной, можно скинуть зимнюю оде-

жду. Но будьте осторожны: зима еще возьмет реванш, и горе тому, кто поспешил выкинуть теплые вещи...

Именно о таком «зимнем реванше» и пойдет речь.

Уже к концу 1956 года, после июньского восстания рабочих в Познани и октябрьской революции в Будапеште, партийное руководство Советского Союза осознало, что дальнейшее обсуждение культа личности Сталина, начатое в феврале на XX съезде, начинает угрожать системе. Обстоятельства складывались так, что разоблачение преступлений сталинизма повсеместно давало толчок к развитию политической активности молодежи, в особенности студенчества. Дискуссии по разным международным

проблемам, конференции по литературным новинкам нередко принимали острый характер. Во многих вузах стали распространяться рукописные журналы, в которых ставились и общественно-политические вопросы. Всё это не могло не беспокоить партийное руководство. В Москве был спешно отменен запланированный пленум по идеологии, были запрещены всякие публичные дискуссии на тему культа Сталина. В общем, в Кремле поняли, что если либерализация режима в Польше и Венгрии привела к открытым антикоммунистическим выступлениям и насилию, то не было никаких гарантий, что дальнейшее распространение свобод в СССР не обернется такими же последствиями. Чтобы не допустить этого – решено было четко установить пределы допустимой открытости.

19 декабря 1956 года Президиум ЦК КПСС утвердил текст закрытого письма «Об усилении политической работы партийных организаций в массах и пресечении вылазок антисоветских, враждебных элементов», в котором и были определены границы дозволенного. В письме говорилось: «Центральный комитет Коммунистической партии Советского Союза считает необходимым обратиться ко всем парторганизациям... для того, чтобы привлечь внимание партии и мобилизовать коммунистов на усиление политической работы в массах, на решительную борьбу по пресечению вылазок антисоветских элементов, которые в последнее время, в связи с некоторым обострением международной обстановки, активизировали свою враждебную деятельность против Коммунистической партии и Советского государства». Далее шла речь об имеющей место за последнее время «активизации деятельности антисоветских и враждебных элементов». Прежде всего, указывалось в письме, это «контрреволюционный заговор против венгерского народа», задуманный под вывеской «фальшивых лозунгов свободы и демократии» с использованием «недовольства значительной части населения, вызванного тяжелыми ошибками, допущенными бывшим государственным и партийным руководством Венгрии». После этого разговор переходил к ситуации в СССР. Сразу же подчеркивалось, что «за последнее время среди отдельных работников литературы и искусства, сползающих с партийных позиций, политически незрелых и настроенных обывательски, появились попытки подвергнуть сомнению правильность линии партии в развитии советской литературы и искусства, отойти от принципов социалистического реализма на позиции безыдейного искусства, выдвигаются требования „освободить“ литературу и искусство от партийного руководства, обеспечить „свободу творчества“,

понимаемую в буржуазно-анархистском, индивидуалистическом духе». В конце письмо содержало уже конкретное указание коммунистам, работающим в органах государственной безопасности, «зорко стоять на страже интересов нашего социалистического государства, быть бдительным к проискам враждебных элементов и, в соответствии с законами Советской власти, своевременно пресекать преступные действия»...

Коммунистов Воронежского университета с текстом этого письма познакомил лично первый секретарь горкома партии Анатолий Алексеевич Королев. К тому времени это был 46-летний партийный чиновник с 27-летним номенклатурным стажем. Зачитав текст послания на закрытом партийном собрании вуза, он отметил, что у некоторых студентов университета есть серьезная проблема «недопонимания существа нашего, социалистического строя, роли нашей партии, советского государства». Это, по мнению Королева, произошло потому, что «теоретические знания, которые нынешние студенты получили в средней школе, за время пребывания в комсомоле и здесь (т.е. в университете. – Д.Д.), – были недостаточны». «И правильно в письме Центрального Комитета говорится, что работу с молодежью мы строим еще очень сухо, очень плохо, и что мы не удовлетворяем всех ее вопросов и желаний», – резюмировал главный коммунист города.

Тревога секретаря горкома партии была вполне объяснима. Конечно, в провинциальном Воронеже накал политических страсти по сравнению со столицей был в ту пору значительно слабее, но проявления вольнолюбия имели место и здесь. К примеру, в конце 1956 года на партийной конференции в Центральном районе было сорвано выступление начальника местного управления КГБ Богомолова. Когда тот вышел на трибуну, в зале стали топать ногами и кричать «хватит!». Сразу три секретаря партийных первичек – Астахова (областная детская больница), Склярова (артель «XXI МЮД») и Сухов (товарищество «Художник») – потребовали дать областной газете «Коммуна» право критиковать деятельность обкома партии. Были антипартийные выступления на авиационном заводе, среди железнодорожников... Особый гнев партийных начальников вызывало то, что подобные настроения не встречали «отпора» среди слушателей. Тот же секретарь горкома Королев, выступая в университете, негодовал по поводу одного такого случая: «Я не буду повторять, что говорил оратор, но смысл его выступления был явно антипартийный, антисоветский. И из присутствующих на этом собрании коммунистов никто не набрался смелости дать этому выступлению должный отпор».

«СТУДЕНТЫ, НАСЛУШАВШИСЬ БИ-БИ-СИ...»

Секретарем партбюро ВГУ в ту пору был историк Михаил Минович Шевченко. В годы войны он служил сержантом-радиотелефонистом на передовой, много чего повидал, имел боевые награды (в том числе и за бои под Воронежем, где Шевченко был тяжело ранен).

А вот в глазах тогдашней городской партийной номенклатуры, почти полностью состоявшей из тыловиков, фронтовик Михаил Минович выглядел «чужаком». Вскоре после появления закрытого письма ЦК его освободят от работы в партбюро, отправив руководить историко-филологическим факультетом. Пока же, сразу после венгерских событий, для укрепления идеологических устоев в университете замом к Шевченко по партбюро был прислан бывший инструктор ЦК ВКП(б), до недавнего времени – доцент кафедры марксизма-ленинизма строительного института Александр Виссарионович Лосев. Этот партийный ортодокс сразу же начал выступать против «идеологической вольницы», царившей, по его мнению, в ВГУ. «Я в университете человек новый и должен сказать, что меня некоторые вещи здесь крайне удивили, – докладывал Лосев партийному руководству города. – Я присутствовал первый раз на комсомольском собрании физмата. Меня прямо обескуражило поведение комсомольцев, которые не стали на собрании слушать представителя райкома партии, секретаря партбюро университета, хотя в их выступлениях были совершенно правильные доводы, совершенно правильные предложения. Студенты-комсомольцы настолько распоясались, что даже проректора университета Камышева освистали с этой трибуны. Этого я, по крайней мере, работая несколько лет в вузах, никогда в жизни не встречал».

Но гораздо больше студенческого свиста на собраниях Лосева обескуражили их слова. «В связи с венгерскими событиями, – докладывал он на партбюро в январе 1957 года, – студенты, видимо, наслушавшись всякого рода Би-би-си и “Свободной Европы”, всякого рода толков, разговоров, начали задавать очень много вопросов и на собраниях, и на лекциях, и на семинарских занятиях и в беседах... Хотел бы сказать об одном из них, который бросили в ящик к Вечеру вопросов и ответов. “Вы говорите много о воспитании студентов. Но только говорить – этого мало, нужно создавать нормальные условия, а у нас спартанские условия, кормят нас плохо, получаем стипендии мало, занимаемся мы в кошмарных комнатах, даже света хорошего нет. В городе нет никакого культурного очага, ни клуба, ничего другого.

Но зато строим дворец в Польше, хотя студентам не-где жить, хотя миллионы рабочих живут в подвалах, гниют. Когда это кончится?”... Или, скажем, второй вопрос, который был задан с провокационной целью. “При обсуждении работы Ленина “Государство и революция” студенты правильно поняли высказывание вождя о государственном аппарате, который должен быть гибким, дешевым, без бюрократизма. Почему у нас есть отступления от этого? Зарплата министров в месяц составляет 25 тыс. рублей, зам. министров – 15 тыс. рублей, Фурцева в ЦК получает 18 тыс. Такая зарплата далека от зарплаты среднего рабочего”... Или третий вопрос, где спрашивается, почему у нас обком вмешивается в дела советских, сельскохозяйственных и других органов? И в заключение, ставится вопрос, что у нас: диктатура пролетариата или диктатура партии?”».

На основании этих, поднятых студентами проблем, Лосев поставил ВГУ вполне определенный диагноз: «Всё это свидетельствует о том, что у нас имеют место неправильные, нездоровые, а подчас антисоветские настроения студентов».

Эти слова послужили сигналом к началу большой идеологической кампании в университете по искоренению таких настроений. В ходе этой кампании со всеми студентами, попавшими в разряд неблагонадежных, стала проводиться «профилактическая проработка». Кампания шла настолько интенсивно, что уже в конце февраля 1957 года секретарь партбюро историко-филологического факультета фольклорист Я.И. Гудошников отметил: «За последние четыре месяца (именно столько времени прошло с начала венгерской революции. – Д.Д.) у нас не было ни одного партийного собрания, на котором в той или иной мере не стоял бы вопрос о воспитательной работе со студентами».

«Прорабатывали» студентов, исходя из положений все того же закрытого письма ЦК «Об усилении политической работы и пресечении вылазок антисоветских, враждебных элементов». Среди таких элементов оказался, к примеру, студент ист-филфака Шаршов, который высказался против ввода советских войск в Венгрию. Его одернул студент пединститута Маркин – в результате они подрались. Этот инцидент произошел вне стен университета, а вот, например, студент физмата Шерстюков осудил действия Советского Союза в Венгрии прямо в аудитории, во время лекции о международном положении, которую читал специально приглашенный лектор из горкома партии. Или такой случай.

В обком партии поступил сигнал о том, что в университете группа студентов собирается на квартире, выпивает, слушает западноевропейскую и американскую музыку «разнужданного характера», после чего ведет всякие подозрительные разговоры. В эту группу, как следовало из сообщения, входили студенты-химики Анохин, Гуков, Працюк, Кашкин и студент-географ Фингеров. «В их суждениях были разные направления, – читаем мы в отчетном докладе по итогам идеологической работы, с которым в конце учебного года на партбюро выступил Я.И. Гудошников. – Анохин, например, был эпикурейцем. Он проповедовал, что надо брать от жизни всё, часто рисовался за счет критики политики правительства. Студент Гуков – известный университетский поэт – в основном избрал для разговоров вопросы литературы и искусства, он кричал, что нет свободы творчества, увлекался обсуждением декадентских стихов, говорил, что в искусстве надо очень много пересмотреть. Студент Працюк больше высказывался по вопросам международной политики, неодобрительно относился к политике нашего правительства по венгерскому вопросу. Он говорил, что было ошибкой, когда в свое время расстреляли Рыкова и Бухарина. Студенты вроде

Кашкина назывались у них «зелеными», и им внушились все эти сомнительные идеи». Серьезные разбирательства были предприняты и в отношении студента истфилфака Крохина, который, как удалось выяснить компетентным органам, попытался создать в университете «некое формирование, вроде партии анархистов»...

Подобные примеры были на всех шести факультетах, которыми располагал тогда ВГУ. Объяснялось это просто. После многолетнего застоя в сознании граждан страны произошел сильнейший сдвиг. И этот сдвиг нашел отклик в молодых сердцах. Новый стиль жизни требовал легкости, подвижности, открытости. И студенческая аудитория чутко реагировала на это требование. Так что протестующий против контроля над мыслью студент-филолог Марк Бент был в своем стремлении не одинок. Тайных и явных союзников в Воронежском университете в те годы у него было немало.

Почему же тогда именно над ним состоялась показательная идеологическая расправа? На мой взгляд, главную роль в случившемся с Бентом сыграл «человеческий фактор». К несчастью для Марка, тогдашним деканом историко-филологического факультета была Ирина Яковлевна Разумникова.

ЗА СТАЛИНСКОЕ НАСЛЕДИЕ

В книге воспоминаний профессора ВГУ Аллы Борисовны Ботниковой «В те времена...» читаем: «Об известном докладе Хрущева на XX съезде ходили сначала только неясные слухи. В газетах появилось характерное словосочетание – «культ личности». Все замерли в ожидании. Потом этот доклад был прочитан в узком кругу доверенных лиц. И лишь некоторое время спустя с ним ознакомили всех, включая и беспартийных... Возвращаемся с общего собрания, где зачитывался доклад. Со мной Е.П. Андреева и И.Я. Разумникова – доцент-историк, старый член партии, участвовавший еще в раскулачивании. Они тоже ошеломлены. Разговаривают между собой, и из их разговора я понимаю, что удивило их не содержание письма (о неоправданных арестах им хорошо известно), а то, что такое разоблачительное письмо могло появиться».

Ирина Яковлевна Разумникова. Когда я читал стенограммы ее выступлений на университетских партсобраниях 1940–1950-х годов, перед глазами неизменно возникал образ «фурии красного террора» знаменитой Розалии Самойловны Землячки – та же постоянная раздражительность, тот же непрерывный прокурорский тон в споре, те же чрезвычай-

ная требовательность к окружающим и неуклонное желание расправиться с каждым, кто имел хотя бы небольшую смелость на собственное мнение...

В Воронеж на партийную работу Ирина Яковлевна приехала из Барнаула летом 1930 года. Сразу стала зав. отделом пропаганды и агитации райкома партии (это был самый разгар коллективизации), потом училась в аспирантуре при Коммунистическом университете, перед самой войной защитила кандидатскую диссертацию на тему «Революционные бои пролетариата в 1921 году в Германии». Великую Отечественную прошла лектором обкома партии, потом стала депутатом горсовета. В 1944-м ее направили на работу в ВГУ – для укрепления кадрового состава. Была зав. кафедрой, в 1949-м стала деканом.

На обсуждении закрытого письма ЦК «Об усилении политической работы...» выступление декана Разумниковой выглядит самым дремучим. «События в Венгрии имели характер контрреволюционного мятежа с целью свержения народно-демократического строя, – разоблачала происки незримых врагов Ирина Яковлевна. – Этот мятеж имел далеко идущие цели. Международный империализм имел

цель нарушить единство стран народной демократии, создать новый очаг войны в центре Европы и внести разлад в ряды коммунистического мирового движения, бросить тень на политику миролюбивого Советского Союза. В связи с этим возросла подрывная работа империалистического лагеря, возглавляемого США, направленная против всего социалистического лагеря. Естественно, что все это вместе взятое нашло какое-то отражение и в нашей стране, поскольку обострилась борьба между буржуазной и нашей идеологией...» и т.д. А вот фрагмент из ее выступления по вопросам местной культурной политики: «Мировоззрение оформляется не только в учебном процессе, но и в театре, в кино, в коллективе. А что мы видим? Все ли в порядке в кино или театре?.. Вот пьеса “Одна” (спектакль Воронежского театра драмы, поставленный в 1955 году режиссером В. Цветковым по пьесе С. Алешина. – Д.Д.) в нашем театре, что она дает воспитательного для молодежи? Она пропагандирует развал советской семьи, причем нормальной советской семьи. Жена учительница, дочь ученица десятого класса, все любят новатора, который в 56 лет нашел счастье с другой. А дальше получается, что он бросает семью. Там показывается женщина-одиночка, которая якобы пьет, занимается проституцией. Я считаю, что это поклеп на советскую женщину. У нас миллион женщин есть, которые потеряли мужей и воспитывают своих детей, и не пьют, и проституцией не занимаются. А когда у нас на факультете обсуждалась эта пьеса, так актер Папов, который играл эту роль в спектакле, заявил, что он целиком понимает и поддерживает своего героя, что он и в жизни поступил бы так же. Отсюда я хочу сделать вывод: пора горкому партии, обкому партии вмешаться в репертуар нашего театра, и пора напомнить о тех решениях ЦК по работе этих учреждений, которые были приняты в 1946 и 1948 годах...»

Во всех своих обвинительных выступлениях того периода Ирина Яковлевна последовательно внушала аудитории мысль об охране коммунистических (читай: сталинских) завоеваний. Всё, что противоречило этой идее, решительно и бескомпромиссно отвергалось ею. К примеру, декан Разумникова была единственным в ВГУ человеком, кто жестко осудил новую форму работы со студентами – Вечера вопросов и ответов.

«Мне кажется, что неправильно допустили сбор таких вопросов, – бросала она упрек университетским партийцам. – Эти вопросы ставили под сомнение нашу политику, политику партии. У меня тоже были такие вопросы. В одном из вопросов, например, студент говорит, что демократия в Англии

выше, чем в СССР. Там выбирают по двум спискам, а у нас по одному. У нас существует диктатура партии, а не правительства, что пятилетний план утверждается на съезде, а не на сессии. И так целый ряд других вопросов... А спрашивается: дали ли мы должный отпор этим враждебным вылазкам? Мне кажется, что не дали».

Вполне понятно, что появление закрытого письма ЦК с его темой «пресечения вылазок враждебных элементов» Ирина Яковлевна Разумникова восприняла как сигнал к мобилизации. «Теперь первая наша задача состоит в том, чтобы преподаватели, парторганизация и студенты-коммунисты изучали настроение студентов, разъясняли бы тем, кто не понимает, а тому, кто понимает, но клевещет, дать отпор, вплоть до привлечения к ответственности», – внушала она коммунистам университета.

По какой-то причине Ирина Яковлевна посчитала, что на ее родном факультете оплотом чуждых советской молодежи настроений является... комсомольская организация. И она обрушила всю мощь своего партийного гнева на борьбу с лидерами факультетского комсомола – братьями Огневыми.

«Я не могу согласиться с тем, что братья Огневы выступали три раза на больших собраниях только из-за непонимания, – обращалась к товарищам по партии на очередном партсобрании декан истфилфака. – Нет. Эти люди в армии служили, работали на стройке. И когда один из них – секретарь комитета комсомола факультета – говорит такие вещи, а мы не можем его устраниТЬ, я считаю это неправильным. Я предлагала нашему секретарю партбюро снять его с работы секретарем комсомольской организации. Я говорила об этом товарищу Гудошникову, товарищу Второву (секретарь комитета комсомола ВГУ. – Д.Д.). Они отвечали: “Мы его перевоспитаем”. Я считаю, что это неправильно. Это Огневы выступали с требованием выселить преподавателей из студенческого общежития или чтобы они платили за эти студенческие углы... Затем они поднимали вопрос о разнице в зарплате. Конечно, мы знаем, что это ненормально. Но мы знаем также, что наше правительство решает этот вопрос. А один из Огневых ставит вопрос так, что уборщица получает очень мало, а профессор много. Он допытывался у меня, правда ли, что ректор получает 15 тыс. рублей? Я, конечно, сказала, что точно не знаю, но вряд ли столько получает. Во всяком случае, у него очень нездоровое настроение».

«Кстати, о нашей помощи Польше и Венгрии больше всего на факультете говорили Огневы, – продолжала свою обвинительную речь декан Разумникова. – Они считают: как можно помогать

этим странам, когда у нас еще так много недостатков... Мы должны давать отпор таким антисоветским вылазкам. До сих пор мы этого не проводили и допускали, мне кажется, излишний либерализм, от чего необходимо отказаться. Я сейчас опять ставлю вопрос о том, чтобы освободиться от такого секретаря комсомольской организации».

Братьев Огневых «на растерзание» не отдали. Во многом благодаря тогдашнему лидеру университетского комсомола Владимиру Второву. «Возглавляемый Второвым комитет комсомола в свое время превратился в своеобразную лабораторию многообразной общественной самодеятельности студенческой молодежи, – вспоминает доктор философских наук, один из вожаков университетского комсомола 1950-х годов В.С. Рахманин. – Никакие акции администрации университета по отношению к студенчеству не проходили без консультаций комитета комсомола и его активного участия». Кстати, именно Второв добился того, чтобы вскоре после выступления Разумниковой на партсобрании один из братьев Огневых – Евгений – стал членом общегородского комитета комсомола.

Со студентом-филологом Марком Бентом было всё иначе. Он не только не был активным комсомольцем. Он вообще не был членом ВЛКСМ и довольно скептически относился к существованию молодежной коммунистической организации.

Потом, когда его исключали из университета, это обстоятельство сыграет свою роль. Но роковым оно не станет. Всё решат, в конце концов, извечные нравственные отношения «учитель – ученик».

Во все века и времена деканы осложняли себе жизнь и шли на конфликт с властью, защищая своих

студентов. Это одно из основных неписанных правил, на которых держался и держится мир университета. В марте 1957 года декан истфилфака Ирина Яковлевна Разумникова своего студента не только не защищала, но обвиняла.

«В прошлом году во время пребывания в колхозе Бент проявил нездоровое отношение к работе, допускал такие выражения, которые нельзя было допускать. Он, например, отзывался очень плохо о комсомоле... Из советской культуры его интересовал больше всего Есенин и как раз отрицательные его произведения, – впечатывала в стенограмму партийного заседания приговор своему студенту декан Разумникова. – В этом году Бент повел себя особенно нехорошо. На семинаре по истории партии он говорил: “Зачем было посыпать войска в Венгрию?”, и что “Египет сам виноват, что он преследовал евреев”... На все наши попытки вразумить его, что он стоит на неправильной позиции, он дал понять, что для него нет никаких авторитетов».

И чтобы ни у кого уже не осталось сомнений в обоснованности возмездия для обвиняемого студента, декан бросила в зал главный козырь: «Последнее заявление Бента было такое, что он не согласен с порядком голосования в Советском Союзе. И он действительно не голосовал 3 марта... Его надо было исключить еще раньше. И комсомольской организации надо было дать ему отпор. А не пасовать перед ним, как это было».

...Через шесть месяцев, в октябре 1957-го, Ирина Яковлевна Разумникова навсегда уйдет с поста декана историко-филологического факультета ВГУ. А еще через четыре года, в январе 1961-го, уйдет и из жизни. В тот же год тело Сталина вынесут из Мавзолея.

Марк Бент после исключения из ВГУ. 1959 год

Студенческий билет Марка Бента

БЕЗ ВЫБОРА

К моменту, когда летом 1955 года 17-летний Марк Бент поступил в ВГУ, он уже умудрился увидеть почти всю страну – от востока до юга. Родился Марк во Владивостоке в 1937 году. В 1943 году, когда отец демобилизовался, Бенты переселились в Новосибирск. Еще через семь лет отца перевели в Астрахань, начальником отдела труда и зарплаты Главного управления рыбной промышленности Каспийского бассейна, и семья перебралась в прикаспийскую столицу. В Астрахани, в школе № 46 им. Калинина, Марк Бент получил аттестат зрелости, в котором было только две «четверки» – по русскому языку и геометрии. Их поставили, чтобы не давать юноше медаль (годом раньше ту же школу с медалью закончил его старший брат, и кто-то решил, что две медали на одну семью – перебор).

Вступительные экзамены в ВГУ Марк сдал блестяще – четыре «пятерки» и одна «четверка». «Подлинный поэт всегда опережает время, он видит дальше других, он знает больше других, он может вести вперед, проникая “сквозь хребты веков”... Настоящего поэта характеризует непримиримость в борьбе против всего старого, отжившего свой век и мешающего прогрессу», – писал он во вступительном сочинении на тему «В.В. Маяковский о поэте и поэзии». Это сочинение особенно впечатлило приемную комиссию. Через всю последнюю страницу красным карандашом выведено: «Отлично. Прекрасное сочинение. Б. Удодов» и «Согласна! Лучшее! Председатель комиссии доцент Соколова».

25 августа 1955 года Марк Бент приказом ректора был принят на филологическое отделение как «успешно выдержавший вступительные экзамены и отобранный приемной комиссией». А всего через три семестра его исключили за «антисоветские высказывания»...

Плакат художника Алексея Бородина. 1957 год

В последние годы жизни у Марка Иосифовича часто спрашивали: как же он, по сути, еще мальчишка, в свои «воронежские времена» сумел разглядеть, что происходит в стране? В одном из интервью профессор М.И. Бент ответил так: «Для меня это не было вопросом. Не только во мне, а в моих предках и родственниках данный этап уже был пройден, и было ясно, что человек имеет право на какие-то политические свободы и социальные гарантии. Мой дед, Алексей Михайлович Афинеевский, был православным священником. В 32-м году он был осужден за религиозную пропаганду, сослан в Казахстан. Он умер по дороге туда. Но если он занимался пропагандой, то понимал, что у него нет права на такую деятельность?

И то же самое я могу сказать о своих более близких хронологически родственниках – о моем отце, о моей маме. У каждого из них был свой опыт отношения с властью, необязательно это был бунт или репрессия. Допустим, мой отец не имел возможности получить повышение по службе, потому что в это время как раз имела место кампания против евреев. А дядька в это же время хлопнул дверью и ушел с работы, потому что протестовал против антисемитских проявлений. И мама имела свое понимание русской и советской истории. Например, по поводу своего отца, упомянутого мной Алексея Михайловича, говорила не раз: «Как собаку закопали. Неизвестно где, ни памятника, ни креста». Все это накапливалось, поэтому у меня в этом смысле достаточный опыт информации...»

Формально из ВГУ Марка Бента исключили после его неучастия в голосовании на выборах. Самое время напомнить о роли, которую эта процедура играла в СССР.

Выборы проводились исключительно в воскресные дни и обставлялись как праздник – с флагами, лозунгами, бравурной музыкой. Население, являясь на избирательные участки, должно было следовать ритуалу и демонстрировать праздничное настроение. Кстати, до сих пор пожилые люди, воспитанные в сталинское время, стараются прийти голосовать пораньше, к открытию избирательного участка: ведь во времена их молодости ранняя явка служила неким дополнительным доказательством преданности режиму.

На день выборов избирательный участок становился таким же официально-сакральным местом, как здание райкома партии или памятник вождю мирового пролетариата... Любые протестные действия по отношению к такому месту мгновенно при-

обретали святотатственный характер. По этой же причине публичные призывы не ходить на выборы были очень опасны. Пока жила инерция сталинской политической культуры, даже высказанное знакомому предложение вычеркнуть фамилию кандидата из бюллетеня или проголосовать против – могло быть квалифицировано как антисоветское.

Этого боялись. В первые послесталинские годы ходили мрачные слухи, что выборы не тайные, а открытие, и каждый избиратель голосует под определенным номером; что все бюллетени пронумерованы невидимыми чернилами – попробуй, вычеркни или напиши что-нибудь, сразу найдут. Потому никаких публичных демаршей против выборов в Советском Союзе – фактически не было. До поры до времени.

Как явление подобные демарши появились как раз в марте 1957 года, во время выборов в местные советы. Из недавно рассекреченных документов Верховного Суда и Прокуратуры СССР следует, что после этих выборов председатель КГБ И.А. Серов докладывал в ЦК партии об обнаружении сразу в нескольких городах и селах страны антисоветских листовок с призывами не принимать участие в голосовании. Подобное было впервые...

К мартовским выборам 1957 года готовились особо. Они проходили через год после XX съезда, где публично было дискредитировано имя «вождя и вдохновителя всех наших побед». Год страна пре-бывала в неясном томлении, вывести из которого ее должна была мощная наглядная демонстрация единства и сплоченности народа вокруг компартии и ее нового лидера. Эту задачу и должны были решить мартовские выборы.

Накануне воронежская газета «Коммуна» писала: «Рано утром, в шесть часов, навстречу вам, советские избиратели, распахнутся двери избирательных участков. Вы придетете сюда, чтобы осуществить великое право гражданина социалистического государства выполнить свой долг – избрать достойных представителей в местные органы государственной власти... Нынешние выборы являются новым ярким свидетельством превосходства советской демократии над демократией буржуазной. Как небо от земли отличается подлинное народовластие в нашей стране от фальшивой, лицемерной демократии в капиталистических странах. Там проповедники капитализма, властелины денежного мешка и их слуги, стоящие у кормила государственной власти, лживыми лозунгами о демократии и свободе прикрывают империалистическую сущность своей внутренней и внешней политики. Так называемые «всеобщие выборы» там ограничены таким частоколом оговорок, исключений,

цензов, что в действительности миллионы людей не допускаются к избирательным урнам. Советская демократия не только провозглашает, но и гарантирует права и свободу граждан... Опуская в урну бюллетени с именами кандидатов блока коммунистов и беспартийных, каждый избиратель голосует за новую победу нерушимого блока, за достойных представителей народа и партии. Хорошо выразил эту мысль советский поэт:

*Если воля партии, как пламя,
В человеке с ясными глазами,
Если делу Ленина он предан
И зовет тебя вперед – к победам,
Славь советской правды торжество
И отдай свой голос за него!».*

(Коммуна, 2 марта 1957 года).

В тот воскресный мартовский день члены 158 избирательных комиссий Воронежской области обязаны были обеспечить 100-процентную явку избирателей на участки. Любая попытка уменьшить этот показатель расценивалась как антисоветское выступление, и о нем тут же сообщали в приемную местного управления госбезопасности. Именно КГБ обеспечивал явку на этих выборах.

3 марта 1957 года студент-второкурсник ВГУ Марк Бент осознанно на выборы не пошел.

Он жил на квартире вместе со старшим братом Олегом, студентом-геологом все того же университета. Когда на избирательном участке не досчитались голоса Марка, за ним послали «гонца». Позже на квартиру к Бенту принесли избирательную урну и стали убеждать проголосовать. Он отказался. Вызвали кого-то из деканата и комитета комсомола, те стали уговаривать, что ему необходимо бросить в ящик бумажку, и тогда вся его выходка сразу забудется, уже завтра о ней никто не вспомнит. Но Марк упрямо твердил одно и то же: «В Конституции сказано, что каждый человек имеет право на выбор. Значит, и у меня есть это право...»

В тот день он так и не проголосовал.

И тогда к делу подключился КГБ...

Воронежским управлением госбезопасности в то время руководил генерал Богомолов Борис Иванович. Он имел несколько экзотическую для сотрудника органов биографию. Когда-то перед самой войной окончил легендарный МИФЛИ, воевал политработником под Ленинградом на знаменитом «Ораниенбаумском пятаке», после войны занялся словесностью и даже защитил диссертацию по былинам, получив степень кандидата филологических наук. Недолго работал в аппарате ЦК ВКП(б), по-

сле чего был направлен в органы. В августе 1956-го получил назначение в Воронеж, а в январе 1957-го (всего за три месяца до описываемых событий) стал генералом.

Рисковать только что обретенными генеральскими погонами Богомолов не хотел. Поэтому в истории с Марком Бентом он избрал тактику «нет человека – нет проблемы».

…Уже на следующий день после выборов на квартиру, где жили братья Бенты, пришел сотрудник местного управления КГБ. Он потребовал от Марка следовать за ним. Первым делом человек в штатском отвел его в поликлинику к врачу-окулисту. Тот подтвердил близорукость Бента – «минус шесть». После

этого сотрудник органов повел Марка в военкомат, где Бенту выдали маленькую серенькую книжечку – так называемый «белый билет», освобождение от службы в армии «по зрению». На крыльце военкомата Марк в некоторой растерянности спросил: «Что теперь?» – «Уезжай домой», – приказал человек в штатском.

В тот же день Марка отправили в Астрахань, к родителям. К радости любителя былинных героев генерала Богомолова, КГБ удалось избавить Воронеж от еще одного антисоветчика, не прибегая при этом к репрессиям.

Исключение Марка Бента из университета проходило уже без него.

НЕ СОВМЕСТИМ С СОВЕТСКОЙ ИДЕОЛОГИЕЙ

Через несколько дней после выдворения Марка в Астрахань на стол ректора университета легла докладная записка. Вот несколько цитат из нее:

«С первых дней пребывания в университете студент Бент М.И. обратил на себя внимание своими нездоровыми настроениями… С ним неоднократно беседовали представители партбюро, деканата, отдельные преподаватели факультета. В одной из этих бесед он откровенно высказался против Ленинской теории познания, отрицал возможность познания объективных закономерностей развития исторического процесса, подвергал сомнению даже само существование таких закономерностей. В решении этих вопросов, заявил он, более правы релятивисты или скорее Спенсер, чем Ленин. Исходя из этого, Бент разглагольствовал о невозможности предвидеть ход исторических событий, выражал сомнение в конечной победе коммунизма.

Из подобных бесед выяснилось, что все высказывания Бента носят не случайный характер отдельных бессознательных ошибок и заблуждений, а являются плодом законченной концепции, целой системы взглядов, не имеющей ничего общего с советской идеологией…

Учитывая антисоветскую настроенность Бента М.И., его вредное разлагающее влияние на студентов, невозможность использования его на работе в советской школе по окончании университета, прошу отчислить его из состава студентов ВГУ».

Под докладной запиской стояла подпись: «Декан историко-филологического факультета доцент И. Разумникова».

Ректор ВГУ Борис Иванович Михантьев две недели не давал ходу этой бумаге. Можно только гадать: с кем и какие разговоры о Бенте вел он в эти дни. 22 марта 1957 года ректор принял окончательное решение.

«ПРИКАЗ № 143/У ректора Воронежского государственного университета

Студент II курса историко-филологического факультета БЕНТ М.И. за время пребывания в университете без уважительных причин пропускал учебные занятия (в том числе 54 ч. в текущем году), противопоставлял себя коллективу, игнорировал общественные организации, не считался с указаниями и замечаниями преподавателей, допускал антисоветские высказывания, поносил нашу действительность и всячески подчеркивал свое мнимое превосходство над товарищами. Все это несомненно со званием студента советского вуза.

Учитывая вышеизложенное, приказываю:

§ 1. Студента II курса историко-филологического факультета БЕНТ М.И. исключить из состава студентов университета.

Основание: докладная записка декана факультета доцента И.Я. Разумниковой.

§ 2. Настоящий приказ объявить во всех студенческих группах.

Ректор Воронежского университета
профессор Б. Михантьев»

… Есть в этой истории еще три документа, которые мне очень хочется обнародовать.

Первый из них – телеграмма, которую ректор ВГУ получил из Южно-Сахалинска от Иосифа Марковича Бента (отец Марка вновь был отправлен на Дальний Восток): «Убедительно прошу лично рассмотреть вопрос отчислении моего сына студента филологического Бента Марка учесть его оторванность семьи другие условия тчк Приму все меры исправлению им допущенной ошибки наде-

юсь ваше объективное решение ожидаю уведомления=Бент»

Второй документ – письмо от Надежды Алексеевны, матери Марка, отправленное однокурсникам ее сына:

«Мой сын, Бент Марк, попал в беду. И в этом вина не только его 19-ти лет, но и моя, а отчасти и ваша. Ведь некоторые из вас дружили с ним, а иной раз и разделяли его заблуждения. Этот случай будет хорошей школой для всех нас. Прошу вас, помогите Марку. Я верю, дав слово, он найдет в себе мужество и благородство сдержать его. И поверит в силу коллектива».

Ну и, наконец, ректору ВГУ написал сам Марк:

«...считая преувеличенным мнение об ох�ивании мной советской действительности, о невнимании к замечаниям преподавателей; а также считая несоответствующим действительности мнение о моем пренебрежительном, на основании мнимого превосходства, отношении к товарищам, прошу рассмотреть это мое ходатайство о восстановлении меня в правах студента Воронежского государственного университета».

...На все три послания Борис Иванович Михантьев ответил лаконичной телеграммой: «Решение окончательное. Ректор Михантьев».

Так в свои девятнадцать Марк Бент стал изгаем.

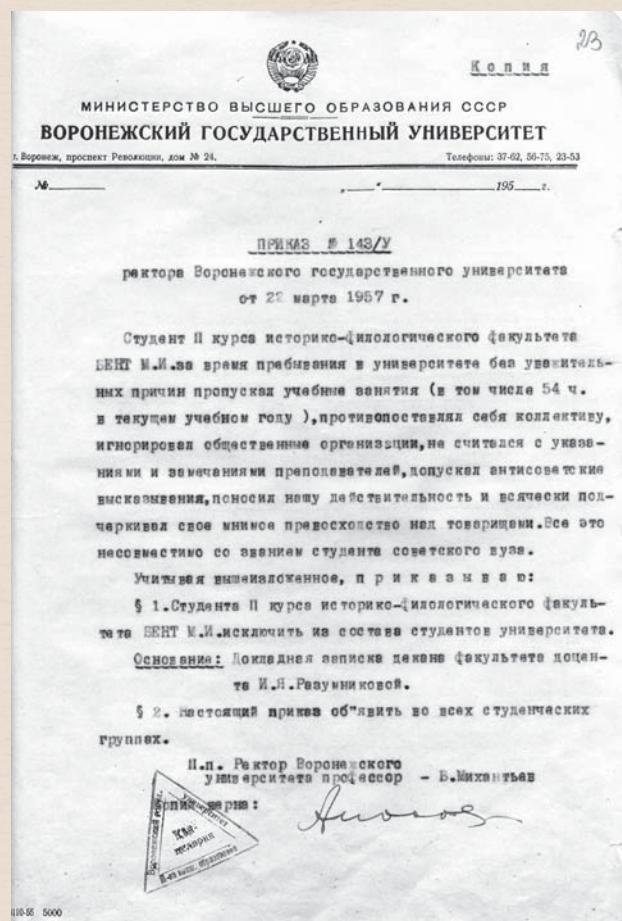
Впереди у него оставалось еще 54 года жизни...

P. S. Согласно официальным данным, в 1957 году, после появления закрытого письма ЦК КПСС «Об усилении политической работы партийных организаций в массах и пресечении вылазок антисоветских, враждебных элементов», в СССР значительно возросло число осужденных за «контрреволюционные преступления» (2948 человек, что в 4 раза больше, чем в 1956 г.). Случаи исключения из вузов студентов за критические высказывания в том году стали массовыми.

* * *

Из интервью доктора филологических наук, профессора Марка Иосифовича Бента в марте 2008 года – за три года до смерти:

«Необязательно говорить какие-то отважные слова, нужно поставить вопрос в принципе – есть у нас свобода слова или нет? Я спрашивал себя и других, и конечно, ответа тогда не было. Сейчас все понимают, что каждый человек имеет право на свое собственное мнение. Произошел некий скачок, связанный, в частности, с повышением образовательного ценза – образованных людей стало больше в десятки раз, и эти люди постепенно дорастают до цивилизованного мышления».

Приказ об исключении М. Бента из ВГУ

М. Бент с отцом Иосифом Марковичем. 1960 год